

Юрий Райн

Отдельные аномалии

Рассказы

Юрий Райн

Отдельные аномалии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068966
ISBN 9785447435592*

Аннотация

В сборнике представлены рассказы, посвященные самым разным темам, от возвышенно-героических до нарочито приземленных, и написанные в разнообразных жанрах – от философской фантастики до бытового реализма, от таинственной мистики до социальной притчи, от яркого фэнтези до исповедального эссе. Среди персонажей – ангелы и пророки, герои и негодяи, обычные люди и даже разумные белые медведи. Раскрыв книгу, читатель, скорее всего, уже не оторвется от нее до последней страницы.

Содержание

От автора	5
Свои чужие	8
Отпуск	8
Секретные переговоры	32
Четвертое свойство	40
В скиту	53
Чужие свои	58
Exit	58
В память о том, чего не будет	65
День Хачика	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Отдельные аномалии

Рассказы

Юрий Райн

© Юрий Райн, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Все-таки издательские аннотации – нечто особенное. Апофеоз для меня в этом отношении – давно виденная аннотация не помню к какой книжке (даже не помню, стал ли читать ее): *«В предлагаемом произведении читатель найдет захватывающую, остросюжетную историю, основанную на извечной теме борьбы между добром и злом»*.

Так и тут. Читаем аннотацию к данному сборнику: *«...самым разным темам, от... до...»*.

Как же. Сейчас, разным.

По моему глубокому убеждению, все темы, которым посвящена художественная литература, сводятся к одной из следующих (или к их комбинациям):

- любовь-нелюбовь
- жизнь-нежизнь
- судьба-несудьба
- люди-нелюди
- так-этак-никак (ака проблема выбора)

Можно даже сказать, что есть вообще всего одна тема – добро-недобро, она умещает в себе любую из пяти вышеперечисленных. Но это было бы, пожалуй, слишком уж схематично.

Стоит заметить, что все (почти) относительно: например, любовь вовсе не всегда эквивалентна добру, а, допустим,

нежизнь – злу. В этом, между прочим, большая тайна бытия, а заодно и художественной литературы.

Все, что помещено в данный сборник, сводится к одной из пяти основных тем. Конкретные воплощения, ракурсы, формы – они, естественно, варьируются. Они всегда варьируются, благодаря чему, собственно, и написаны/накоплены гигантские горы хороших книг, причем за сравнительно небольшое время. Всего-то несколько тысяч лет, подумаешь...

Ну, здесь – никакая не гора, а лишь тридцать рассказов. Хороших ли – судить не автору. Хотя, что скрывать, автору они, в общем, нравятся.

И еще одно. В центре художественной литературы всегда человек, причины, мотивы, следствия его поведения в тех или иных обстоятельствах. Вопросы ставятся: что делать? доколе? а что потом? кто виноват? что такое хорошо? – ответы же предлагаются крайне редко. Ответы и не нужны, ибо таков (имманентно) метод исследования человека средствами литературы; убедительно поставленный вопрос – уже много, а вот давать ответ – не автора дело. Исследование – не лечение.

В предлагаемых текстах вопросы вроде бы присутствуют; что до ответов – ищите сами, каждый для себя.

И наконец. Нечто, объединяющее эти тридцать рассказов, на самом деле имеет место – только не то, о чем сказано в аннотации. Общее вот что: бытие интересно *аномалиями*. Са-

мо по себе бытие по большей части так или иначе нормально, но, спасибо Главному Автору, на фоне большей части есть и меньшая. Читать о сплошь нормальном скучно, писать – и вовсе невыносимо. А вот *отдельные аномалии*, хороши или плохи они объективно или субъективно, спасают бытие от небытия.

В конечном счете, о них, об *отдельных аномалиях*, все нижеследующее и написано. Во всяком случае, так подразумевалось.

Свои чужие

Отпуск

1

Сзади возмущенно сигналили на разные голоса. Он тряхнул головой, взглянул на светофор. Зеленый уже мигал перед переключением на желтый.

Палец автоматически ткнул клавишу аварийки, затем рука вернулась к рычагу КПП, проверила передачу – первая. Левая нога плавно отпустила сцепление, правая легонько коснулась педали газа, и, уже под красный, он припарковался на остановке троллейбуса – другого места видно не было. Да и плевать.

Рявканье, кваканье, вой автомобилей, которым он мешал, прекратились.

Он выключил двигатель, бросил взгляд на украшавшую руль эмблему WV – да, это мой «Пассат», отметило сознание, – снова помотал головой, сильно потер ладонями лицо, как будто умываясь. Осмотрелся. Знакомые места.

Справа новенький, сверкающий торговый центр, дальше призывно реет логотип «Макдональдса»... перебудутся... Слева, чуть сзади, витиеватое барокко огромного собора.

Светло-салатное. Непристойный какой-то колер. Хотя тоже плевать.

Андрей, вспомнил он. Не 912-й, а Андрей. Андрюша. Андрюха. Андрюшоночек. Тьфу. Андрей Павлович. Палыч. Вот, так лучше.

Почти вплотную к храму, в длинном ряду банков, косметических салонов, магазинов, – «Паста энд пицца». Он и так это знал, можно не проверять, но на всякий случай посмотрел, убедился. Все точно.

Захотелось есть. Это вам не «Макдональдс». Симпатичное заведение, уютное, и кормят вкусно. Когда-то Андрей захаживал сюда, потом зарекся: застал его тут однажды звонок, за которым последовали крупные неприятности; через пару недель ситуация повторилась, только неприятности оказались еще круче. Простое совпадение, конечно, но... Сидеть и ждать очередного такого звонка – удовольствие маленькое. Пицца в глотку не полезет. И паста тоже.

Сейчас, однако, все это не имело значения. Какие еще звонки...

Андрей выбрался из машины – ботинок чавкнул в серой слякоти, ну и погода, – чуть ссутулился под тухловатой моросью, пересек улицу, не обращая внимания на вновь поднимающуюся истерику клаксонов. Поднялся по ступенькам, толкнул дверь, очутился в приветливом тепле. Негромкий гомон посетителей, приглушенная музыка. Хорошо.

Свободный стол только один. И ладно, годится.

Он сел.

Все время тянуло вспоминать. Особенно – связанное с 912-м. Но сначала, решил Андрей, – перекусить. А уж потом – все остальное. В том числе и подумать, как провести этот... отпуск. Наверное, домой заглянуть... Или нет? Потом, потом!

Он пошарил по карманам. Ага, сигареты есть, зажигалка тоже. Бумажник. Что там с деньгами? Ого! Снабдили от души.

Мобильного нет. Вот и славно. Ключи какие-то.

Закурил. Вот оно, наслаждение.

– Здравствуйте, Людочка, – улыбнулся Андрей подошедшей официантке. Надо же, имя ее всплыло. – Да я без меню обойдусь. Значит, так. Салатик сицилийский, тальятелли с куриной печеночкой. – Он поколебался. – И пива. «Старо-прамен» есть? Вот и давайте. Ноль пять для начала.

Машину можно бросить. А можно и не бросать – чего ему бояться-то? Ментов? Даже не смешно.

– А там видно будет, – добавил он. – Правда?

Официантка застенчиво потупилась, кивнула и направилась к стойке.

Нет, подумал Андрей, домой, пожалуй, не поеду. Толку-то... Уж отпуск, так отпуск. Эк бедрами-то покачивает...

Подступила эрекция, с ней – призрак привычной боли. Но только призрак.

Пиво сразу ударило в голову. Естественно, давно ведь

не пил. Хотя, что означает слово «давно» в моем случае, спросил себя Андрей? Ничего не означает. Даже меньше, чем ничего. Пей пиво, лопай вволю, ни о чем пока не думай, сказал он себе. Потом подумаешь. 912-й. Ха.

Он с удовольствием съел салат и тальятелли, выпил пиво, и заказал еще пива и еще тальятелли, и жадно выкурил уже чуть ли не полпачки сигарет, и рискованно шутил с Людочкой, которая вполне даже откликалась, и теперь раздумывал, не заказать ли кофе. Решил – нет, не заказать. Еще пива, а к пиву орешков. Только сначала в сортир наведаться.

Когда Андрей вернулся из туалета, за его столиком сидел какой-то человек. Робко так сидел, на самом краешке стула. Педерастического типа экземпляр, оценил Андрей. Волосы светлые, вьющиеся, глаза голубые, даже синие, выражение умильное какое-то. Или собачье. Одет ярко, нарядно: джинсы под цвет глаз, блузончик с искрой, аж переливается. На рукаве, правда, грязное пятно.

– Извините, – сказал синеглазый. – Все занято, везде по несколько человек, а тут... Извините ради Бога...

– Ладно, – буркнул Андрей, усаживаясь на свое место и берясь за пиво.

– Спасибо огромное, – вздохнул синеглазый. – Я вам мешать не буду. Только посижу немножко, отдышусь, съем чего-нибудь... – Он вытащил из кармана потрепанный, сиротского вида, кошелек, заглянул в него, грустно усмехнулся. – Пожалуй, на чай хватит... И уйду...

Андрей внимательно посмотрел на непрошеного соседа. Нет, на гея не похож. Станный – это да. Душевнобольной, возможно. Тихий псих. Что-то даже жалко его.

– Пива хочешь? – грубовато спросил он. – Угощаю, если что.

– Что вы, что вы! – всполошился синеглазый, густо покраснев. – Я себе не позволю... И без того потревожил...

– Да ладно, – махнул рукой Андрей. – У меня нынче денег много. Больше, чем нужно. Да и день такой... Короче, давай, не стесняйся. Людочка!

– Эээ... – смущенно протянул псих, отводя взгляд. – Ну, раз день такой... у меня тоже день особенный... только вот денег, наоборот, в обрез... тогда, если вы не против, лучше бокал вина... здесь в розлив относительно недорого... а соаве приличное бывает...

Сконфуженное бормотание сошло на нет.

– Окей, – бодро ответил Андрей. – И не тушуйся. Оно, соаве это, белое, что ли? Тогда и рыбки к нему закажем, а то видок у тебя того... голодный видок...

– Это другого рода голод, – невнятно пробормотал синеглазый.

– Чего?

– Голод, – тихо произнес псих. – Действительно, голод. Но не... как бы вам объяснить... не материальный... затрудняюсь...

– Да плевать, – отреагировал Андрей.

Блондин вдруг в упор посмотрел на него, как бы решившись на что-то.

– Мне отчего-то кажется, – проговорил он виноватым тоном, – что вас тоже гложет нечто подобное. Простите... Впрочем, позже...

Подошла Людочка, Андрей сделал заказ для психа. Идея насчет бокала вина не понравилась – велел принести бутылку. Да поскорее.

– Ах, как неудобно, – залепетал синеглазый, – ну зачем же вы так, право... Очень, очень неловко... Просто необычайно...

– Помолчи чуток, – рявкнул Андрей. – А то достал уже этими своими причитаниями. В ушах звенит. Кстати, у тебя рукав грязный. Вот тут.

– Это я, понимаете, с троллейбуса сходил, – робко объяснил блондин, – поскользнулся немного и о чью-то машину ударился. – И удивленно добавил: – Как люди прямо на остановке общественного транспорта автомобили ставят?

Андрей не стал отвечать – как. Присосавшись к кружке, он попытался сосредоточиться на только что возникшем неясном тревожном чувстве. Не получилось. Ну и гори оно все ясным пламенем.

Он содрогнулся. Эх, не стоило про пламя... Теперь попробуй останови память.

Возникла картина сегодняшнего пробуждения. Ничего особенного, но и ничего хорошего. Где уж. Бездна надежные се-

рые сумерки, озноб, и – раскаленный прут через всю щеку, рядом с глазом, ко лбу. Вонь горелого мяса – его собственно-го, – острая, понятное дело, боль, сдавленное рычание. Больно, больно, больно. Но до чего же привычно.

Времени нет. Не в том смысле, что его не хватает. Просто время отсутствует. И память отсутствует. Даже имени своего не помнишь – просто 912-й. Это кратко, а полный номер, длинный, бессмысленный, тоже назубок знаешь. Как бы помнишь. Но это ведь не настоящая память.

А вместо памяти, вместо времени висит... где висит?... ну, где-то висит... висит такая невидимая неподвижная субстанция... словно застывший туман... нет, гуще тумана, гораздо гуще. И что-то в этой субстанции происходит, всегда связанное с болью, унижением и позором; но где прошлое, где будущее, где настоящее – не понять, не разобрать. Все уже было, все будет, все перемешано. Все привычно, и не имеет значения, что это всегда боль, от воспоминания о которой содрогаешься. Само содрогание тоже стало привычным.

Ну, раскаленной арматуриной по морде, подумаешь... Ну, к Большому Начальнику... Ну...

Стоп! Потом! Я же пивом накачиваюсь, фисташки грызу и еще вот этого дурика зачем-то угощаю. И хорош, а вспоминать – потом, ближе к возвращению. А сейчас – вот, доброе дело делаю. Вдруг зачтется? Хотя куда там... Одновременно ведь пьянствую, плюс на Людочку, на профурсетку эту, вполне определенные виды имею... замыслы вынашиваю... Так

что ничего не зачтется. Да и вообще – ничто никогда не зачитывается. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Короче, пей, Палыч, свое пиво, раз уж так тебе выпало. С фисташками.

Андрей справился с собой.

Людочка принесла вино, продемонстрировала бутылку, ловко откупорила, налила в бокал самую малость. Синеглазый понюхал, пригубил, кивнул. Наполнив бокал, официантка стрельнула глазками в Андрея и отошла. Широкие бедра раскачивались совсем уже демонстративно.

– Ну, – сказал Андрей, оторвавшись от зрелища, – за встречу, что ли?

– Позвольте представиться, – провозгласил синеглазый неожиданно официальным голосом. – Евгений. Праведник. Табельный номер RZ364-AL23N-7818/3453. В настоящее время пребываю в краткосрочном отпуске.

И слегка поклонился.

Андрей засмеялся. Это ж надо же! Ну, ладно...

– Андрей, – ответил он в тон собеседнику. – Грешник. Инвентарный номер W7X-430-DDE72904856-XL-912. Тоже в отпуске. На сутки.

– ...Видите ли, Андрюша, – задумчиво проговорил Евге-

ний, вертя бокал пальцами.

– Жень, сколько ты мне еще «выкать» будешь? – перебил Андрей.

– А?

– Бэ, блин! Не «видите ли», а «видишь ли»! Если уж без этого обойтись не можешь!

– Ну да... Простите... То есть прости...

– Ох ты и зануда!

– Что есть, то есть, – улыбнулся Жень. – Так вот, видишь ли, Андрюша... Мы тут рассказываем друг другу разные вещи... Станные, мягко говоря, вещи. И проблема в том, что я-то, например, знаю: все, мною изложенное, есть чистая правда.

– А я что, вру? – угрюмо отозвался Андрей. – А, дело твое... Хочешь верь, хочешь не верь.

– Да не в том проблема, – поморщился Жень. – Она в другом: ты ведь мою правдивость проверить никак не можешь. И, весьма вероятно, подозреваешь, что я все выдумываю. Или что нарвался на сумасшедшего. В моем лице. А я, со своей стороны, никак не могу узнать, веришь ты мне или нет, что бы ты ни говорил. Понимаешь? И это взаимно. Или, лучше сказать, обоюдно. И что мы имеем? Имеем замкнутый круг. Или, скажем так, порочный.

– Есть такое дело, – согласился Андрей. – Только этот круг разорвать – что два пальца...

– Как, интересно было бы узнать?

– Очень просто. Забить на всю эту мутоту про доверие-недоверие. Хочешь считать, что я сказки рассказываю, – да пожалуйста! Хочешь считать, что я твою чистую правду за байки держу или за глюки, – флаг в руки. Предлагаю и тебе тоже так ко всему этому подойти. Ну, типа пересеклись случайно два дятла, один с шальными бабками, у другого... сколько у тебя, рублей пятьдесят?.. Ну вот, пересеклись, делать им нечего, стали друг друга развлекать. Интеллектуальная игра. Как, годится?

Женя пожевал губами.

– Да в общем-то... Хм. А что, не лишено. Даже где-то гениально!

Андрей гордо вздернул подбородок.

– То-то, знай наших.

– А если все правда, – тихо продолжил Женя, – тоже хорошо. И польза возможна.

– Не знаю насчет пользы, – махнул рукой Андрей. – Тебе, может, и пойдет что на пользу, а мне вряд ли. Но разобраться почему-то охота. Вот скажи, зачем нам отпуска дали? То есть зачем мне – понятно, а вот тебе?

– А что именно понятно?

– Не тупи, Женёк, со мной все просто. Я столько терплю и столько терпеть буду, что как же не дать передохнуть? Хоть сутки. Так что – в поощрение. Ага, а тебя, стало быть, в наказание.

– Вовсе это не просто, – вздохнул Женя. – Какое может

быть наказание? В чем я могу там, – он указал пальцем на потолок, – провиниться? Да и с тобой тоже... Терпишь... А выглядишь совсем неплохо...

– Я столько терплю и такого, – взъерился Андрей, – что тебе даже не приснится! Причем всегда, без остановок и передышек. Так что не надо! Просто восстанавливают зачетно.

– Как все это перенести... – прошептал праведник.

– Очень просто. И реакция уже почти никакая. Вот сегодня... или как это назвать... в общем, короткий сон, не знаю, сколько, там часами не меряют, и вообще время не меряют...

Женя кивнул.

– Мучительный сон, жуткий, – продолжил Андрей. – Хочу проснуться и не могу. Ну что, будят... Горячим железом по харе будят. И к Большому Начальнику пинками, с шутками и прибаутками. А мне как бы все равно. Привык. Я у этого Большого Начальника только один раз был, сразу после Приговора, так ежели бы мог сдохнуть – сдох бы от ужаса. Это передать невозможно... А тут – ну, страшно... ну, жутко... Да и плевать. Тоскливо только...

Женя опять кивнул.

– Эх ты, кивала... Он, сука, чай пьет, как будто в кино: самовар, блюдечко, рафинад щипчиками колет. Отдувается. Я тарабаню: грешник инвентарный номер W7X-430-DDE72904856-XL-912 прибыл! А он морщится. Не ори, говорит, 912-й. Руку, говорит. А я уж наперед знаю, даже скучно. Протягиваю, он палец, вот этот, – Андрей показал холе-

ный мизинец правой руки, – щипчиками хватать! Да как сожмет! Откусил фалангу, начисто. Боль чудовищная, красные круги в глазах, прямо на стол ему блеванул. А самому все равно скучно. Первый раз, что ли? Не он, так другие, не это, так еще что-нибудь. Только вот тоска все злее.

– А дальше?

– А что дальше? Свинья, говорит, тупая. Надоел, говорит, ты мне. Пошел вон, чтоб глаза мои тебя не видели. Через сутки вернешься. С новыми, говорит, силами. Крикнул холуев своих, они в момент блевотину мою убрали, меня под руки, из кабинета выволокли, в предбаннике... того... раком, в общем, поставили... и в два смычка... Ты извини, браток, я ведь тебя поначалу за этого принял... за гомосека... а сам-то...

– Не надо извиняться, – сказал Женя. – Ты грешник, я праведник, но я не лучше тебя... Но продолжай, прошу.

– Да ну, чего тут продолжать? – Андрей ухватился за очередную кружку пива, сделал два мощных глотка, потом закурил. – Понимаешь, меня дрючат, а мне опять же до фонаря. Все уже пережил. Все было. И меня драли, и я драл...

– О! – воскликнул Женя.

– Что «о»? Что «о»? Ты думаешь, это там в кайф? Ага, шас... Хочется невыносимо, и, казалось бы, дорвешься, вот оно! А как кончаешь – больно... это... выразить не могу, нету слов таких... И все равно – тоска и скука... Источники и составляющие... Вот думаю, тут все-таки разговеться.

– Я заметил, – откликнулся праведник. – Не боишься?

– Я ничего не боюсь, – мрачно ответил Андрей. – Ни боли, ни унижения, ни огня, ни мороза. Ни-че-го.

– А я больше всего позора боюсь.

– А я и позора никакого уже не боюсь.

Женя отпил из бокала.

– Вот и разгадка, – сказал он. – Тебя сюда отправили, чтобы ты от привычности этой отошел. Как твой Большой Начальник сказал: вернешься с новыми силами. Я думаю, они, я твоих имею в виду, как бы питаются вашими страданиями. А если страдания делаются привычными, то они подглаживать начинают. Следовательно, надо... обновить материал... освежить... что-то в этом роде... Собственно, такова цель любого отпуска. С точки зрения администрации, как ее не назови.

Андрей уставился на свою кружку и надолго замолчал. Потом заорал:

– Людочка!!!

На него обернулись.

Официантка прилетела на крик мгновенно.

– Что случилось, Андрей?

– Людмила, – проникновенно начал он. – Перед тобой, смотри, грешник и праведник. А один хрен, заблудшие души.

– Не ругайтесь, пожалуйста, – строго сказала Людочка. – И кричать так громко не нужно.

– Извини, не буду. Поехали с нами, а? Вон еще эту возьми... как ее зовут-то? Татьяна? Отогреем сердца. Я гостиницу знаю хорошую, там чисто, прилично. Шампанского прихватим, музыку хорошую послушаем, а? Не пожалеете. Поехали, а?

– Во-первых, – сказала Людочка, – хорошо бы вам немного прийти в себя. А то, честно говоря, видно, что уже лишнего выпили. Во-вторых, у меня смена до одиннадцати, а сейчас только шесть. И я вам, между прочим, ничего не обещала. Гостиницу какую-то выдумали... А за мной, может, молодой человек зайдет.

Андрей внимательно посмотрел на девушку. Вульгарная все-таки очень. Провинциальность так и прет. И до одиннадцати ждать. Провалилась она.

– Совет тебе с твоим молодым человеком и любовь. Женька, пошли отсюда. – Он вытащил из бумажника пятитысячную купюру, бросил на стол. – Достаточно?

– Очень даже достаточно, – холодно ответила Людочка. – Сейчас сдачу принесу.

– Обойдемся, – так же холодно отрезал Андрей. – Пошли, Жень. Кофию в другом месте... как это... во, испьем.

Он сам себе удивлялся. Раньше – когда существовало это «раньше» – такой... решительности?... наглости?... в общем, ничего подобного за собой не замечал.

Вышли под зарядивший, кажется, навсегда то ли дождь, то ли снег – мелкий, нечистый, противный. Перебежали

на другую сторону.

– Садись, – сказал Андрей, открывая машину.

– Андрюша, может быть, лучше воздержаться? Выпито же... – заколебался праведник.

– Да кого и чего нам бояться? – хохотнул грешник. – Не валяй дурака, Жень. Поехали! Я одну сауну знаю... Гулять так гулять!

– А поехали! – решил Евгений. – Была не была!

– Типа того, – согласился Андрей, заводя мотор. – Слушай, а ты кем был? Ну, раньше.

– Маркетологом, – Женья отвел глаза.

– Да ладно! Не, правда, что ли? Ничего себе! Маркетолог-праведник... Анекдот! А как... ну, это... ну, ты понял...

– Инфаркт, – сухо ответил Женья.

– Ну, тогда понятно, – уверенно сказал Андрей. – Конфликт внешнего с внутренним.

– А ты кем был? И как ушел? Если не хочешь, не говори...

– Да чего там... Я козлом был. А точнее, менеджером. По работе с клиентами. Не самым худшим, между прочим. И не самым козлом. Бывали такие гниды... Хотя, конечно, я тоже... Ну, и разбился на машине. Вот на этой самой. В лепешку. А потом Суд. Сам знаешь.

Женья вздрогнул. Андрей покосился на него, ухмыльнулся, вывернул на встречную, погнал в сторону Яузы.

– Андрюша, – сказал праведник, – ты же правила нарушаешь...

– Гляди веселее! – крикнул Андрей. – Что ты то вздрагиваешь, то боишься чего-то? Приговор окончательный! А я к бабам хочу!

Выбрались на набережную, поехали совсем быстро.

– Вернемся пока к теме, – произнес Андрей. – Разгадка твоего отпуска симметрична, правильно? Тебя, похоже, ништяки достали, да? Не радуют тебя по-настоящему ни райские кущи, ни нектары с амброзиями, ни ангельские хоры, ни даже вечно юные девственницы. Угадал? Есть там у вас вечно юные целки? – Он заговорил лихорадочно. – У нас вот нету, мы сами себе целки, то у котла, то на морозе, да с ломом в голых руках, то с болтом в очке, причем диалектически. А у вас как насчет целок? Чего молчишь?

– Не надо, Андрюша, – тихо попросил Женя. – Успокойся, пожалуйста. Я перед тобой ни в чем не виноват. Как и ты передо мной.

Скрипнув зубами, грешник взял себя в руки.

– А что касается твоей догадки, – продолжил Евгений, – то, думаю, она верная. Ты прав, все приелось, ничего не хочется. Тупеем неудержимо, в животных превращаемся.

– Ага, – кивнул Андрей, – а они, твои-то, по аналогии с моими, вашим кайфом питаются. Вот тебя, скотину неблагодарную, и отправили говна хлебнуть. Вернешься – снова ценить станешь.

Он резко затормозил, остановил машину, ударил руками пот рулю, захохотал. Отсмеявшись, вылез из машины, подо-

шел к парапету, расстегнул брюки, помочился в реку. Вернулся, двинулись дальше.

– Есть еще одна версия, – сказал он примолкшему Евгению. – Ротация. Нам тут с тобой намеренно встречу устроили. Я тебя немножко посовращаю, ты меня слегка облагородишь, вот и будут основания меня вернуть к тебе, а тебя – ко мне. Буря эмоций с обеих сторон гарантируется. Как у новоприбывших, а то и помощнее.

– Этого не может быть, – дрожащим голосом проговорил Женя. – Ты же сам сказал, Приговор окончательный... Я не хочу... И потом, это означало бы, что они как-то сотрудничают... договариваются между собой...

– А почему бы нет? – возразил Андрей. – Ты прямо как дитё... Одно слово, праведник. Ладно, не парься, шучу я.

Он на самом деле всего лишь шутил. Однако безумная надежда вдруг... не то, чтобы разгорелась... но угасать не желала.

3

...Он и думать забыл об этой безумной надежде, потому что дым стоял коромыслом. Вернее, то дым – в зале, то хорошо сделанный пар – в парной, естественно.

Думалось только о том, как все-таки качественно его, Андрея, подготовили к отпуску. Ну, положим, до так называемой сауны, расположенной в старом дачном поселке

за МКАДом, он добрался самостоятельно. Мимо поста ГАИ проскочил уверенно – там, кажется, собрались махнуть железом, может, даже и махнули, но он только притопил газ.

А вот потом подготовка пригодилась.

В заведение их поначалу не пускали: только по предварительной записи. И праведник уже заныл, что, мол, не надо судьбу искушать, поехали... Какую, к известной маме, судьбу?!

Когда переговоры с охраной достигли, казалось, кульминации, Андрей случайно – или не случайно? – обнаружил в глубоком внутреннем кармане куртки телефон. Оказывается, и об этом не забыли. И всплыл в памяти номер Димки, с которым когда-то работали вместе, а потом Димон ушел: купил на пару с братом вот этот дом в тихом месте, привлёк еще каких-то инвесторов, развалюху снесли, отстроили все по новой, оборудовали, как полагается, и получился нормальный бордель.

Позвонил, не колеблясь. Димка сказал: дай-ка трубку старшему холую. После короткого разговора с хозяином старший холуй только что языком пол в холле не вылизал перед Андреем и его спутником.

Кладя трубку обратно в карман, Андрей наткнулся еще на один предмет. Оказалось, что это пачка пятитысячных в банковской упаковке.

Интересно, подумал грешник, они ожидали, что я на Канары какие-нибудь рвану? Нет уж, нас и тут неплохо кор-

мютть...

Потом, в зале со стенами, выкрашенными в тот же кокетливый цвет, что и давешний собор, пили шампанское. И снова Андрей подивился своей подготовке. Столько пива за день вылакал, а хоть бы что. Нет, хмель временами накачивал, но тут же отступал, и никакой дурноты, и даже мочевой пузырь перестал тревожить.

Так что «Дом Периньон» пошел на ура – и у него, и у девочек. А вот у Евгения – нет, не пошел. Слабаки они там, наверху, не без презрения подумал Андрей, слушая мучительные рвотные спазмы, доносившиеся из-за двери ванной комнаты. Фуфелы. Ни бабок, ни тачки, ни, самое главное, стойкости.

Через некоторое время Женя выполз на свет. Лицо праведника приобрело оттенок в тон стенам, и всех это очень развеселило. С визгом и хохотом поволокли горемычного в баню. Андрей выбрал финскую и все приговаривал: «Пропаришься, Женёк, всухую, и все как рукой! А Томочка вот и рукой, и всем, чем только пожелаешь! Да уж не всухую, что ты! Будешь, как новенький, верно, Том?»

Пухлая Томочка глуповато хихикала, а высокая стройная Лариска льнула к Андрею, шепча ему на ухо – впрочем, довольно громко, – что и как она будет делать ему, тоже и губками, и пальчиками, и всем, чем захочешь...

В сауне, однако, ничего не вышло. Андрей уже пристроился было к Лариске, когда Томочка, пытавшаяся как-то ожи-

вить Женю, вдруг взвизгнула и резво отскочила в сторону: праведника опять вывернуло наизнанку.

Пришлось тащить Евгения в душ, вызывать службу, платить за безобразие, перебираться в русскую парную. В конце концов бедолагу уложили отдыхать в какой-то спальне, а Андрей, уж коли уплачено, взял на себя обеих девчонок. Надо признать – понравилось. И хватило его на обеих. С избытком даже хватило. Опять же подготовка, ясное дело...

И никаких признаков боли. Вышак.

Однако, ночь подошла к середине, и Андрею подумалось, что для полноты ощущений неплохо бы еще и поспать. Давно не спал полноценно. В прямом смысле – невыразимо давно.

Только вот сон не шел. Вернулись мысли о том, куда предстоит возвращаться. И мысль о ротации тоже вернулась. И зачесалась невыносимо.

Он разыскал Женю, безжалостно растолкал его, выпил на посошок еще один бокал шампанского, кинул прямо на пол несколько купюр. Вытащил напарника из дома, усадил в машину, сел сам, запустил мотор, погнал в город. Куда, зачем – он не знал. Но оставаться на месте не мог. Просто не мог.

– Куда мы? – промычал праведник.

– На кудыкину гору, – зло бросил в ответ Андрей, все разгоняя и разгоняя «Пассат». – Кончается отпуск, понял? Восемь часов осталось с хвостиком. Куда-нибудь, все равно куда!

Евгений тихо стонал, скорчившись на сиденье и обхватив голову обеими руками.

– Не ной! – прикрикнул Андрей. – Достойно время провели. Сейчас... вот... на три вокзала махнем... не знаю, за чем... видно будет... час уьем, потом другой... а там на минуты счет поведем... сколько есть, все наше!

Не разбирая светофоров, он вылетел на пустынную набережную и прибавил газ. До упора.

Ротация, подумал Андрей. Нет, едва ли. Никто из других грешников ни о чем таком не говорил никогда. Да и потом, если ротация, то просто поменяли бы местами грешника с праведником, и все дела. Без этого идиотского отпуска.

Точно. Если бы те и эти договорились, так бы и делали. Эх, жалость какая... А мысль-то богатая. Может, не доперли? Этого придурка – Андрей покосился на попутчика, – конечно, жаль было бы немного... Но себя-то, вот сейчас, – жальче.

В зеркале заднего вида заиграли сполохи – белые, синие, красные. Донеслось завывание сирены. Менты... Евгений совсем размазался на сиденье. Андрей презрительно скривился, потом вспомнил характерную для Меньших Начальников свирепую гримасу, оскалился, воспроизведя ее, и, уже произвольно, зарычал.

Впереди показался большой мост через Язу. За ним – он хорошо помнил – река круто уходила вправо.

В несколько секунд, за которые Андрей, ожесточенно

вдавливая педаль в пол, домчался до моста, перед ним ярко и четко промелькнуло то, что давно, — действительно, очень давно, когда время еще было временем, а память памятью, — равнодушно и безжалостно ломало его. Он уже знал тогда, что привалившие неприятности — вовсе не неприятности, а настоящая беда. И знал, что финал будет плох, хуже некуда, что надежды нет, можно только ждать чуда, но чудес, по всей видимости, не бывает. И даже знал, через сколько дней наступит этот финал. Через семнадцать.

И каждый из отпущенных дней он просыпался перед рассветом, и маялся тоской и безнадежностью, и вставал с мутной головой, и заставлял себя окунаться в какие-то уже необязательные дела, только чтобы отвлечься, а вечером все наваливалось сызнова, и он глушил себя водкой, и, валясь в беспамятство, повторял: вот и еще один день прожит, а я все еще здесь и все еще я.

И так повторялось и повторялось, только сырой холод в груди делался все тяжелее, а дней оставалось все меньше.

Нет, он еще не перестал ждать чуда, потому, наверное, что в безумно далеком детстве всегда верил в лучшее и ни разу не ошибся в этой вере. Но теперь все было по-другому, и с каждым днем ожидание слабело, а спасало, до поры, лишь это, бессмысленное: вот и еще один день прожит, а я все еще здесь и все еще я.

А когда семнадцать дней истекли, пришлось выбирать: предать себя самого или предать других. Он сделал выбор.

А не надо было.

Сделал выбор – не важно, какой, – оказался там, откуда его отправили в этот отпуск. Впрочем, уклониться от выбора означало тогда – и, наверное, всегда – то же самое.

А вот этому повезло, подумал он о судорожно вцепившемся в подлокотники пассажира. Ему, надо полагать, никакого особенного выбора даже не предлагалось. Хотя кто знает... Только, в любом случае, ну его к свиньям, такое везение.

Все, больше не хочу, сказал себе грешник Андрей. Ждать не хочу, часы отсчитывать, минуты.

Пронесшись под мостом, он крикнул:

– Отлично погуляли, Женька! Да и хорош!

И, рефлексам вопреки, удержал руль прямо.

Машина наехала на бордюр, подпрыгнула, проломила ограждение и, описав в воздухе длинную дугу, рухнула в реку.

Вода быстро наполняла салон, праведник что-то верещал, а Андрей молча ждал.

Потом автомобиль исчез, как не было его, и стало уже не нужно дышать.

Первой появилась тускло подсвеченная фигура в бесформенном зеленом балахоне. Андрей посмотрел на нее с надеждой, но свет на какой-то миг сделался по-праздничному ярким, окутал, словно облако, заулыбавшегося Евгения и растаял вместе с ним.

Низко, глухо, гортанно рыкнуло, повеяло холодом. Угло-

ватая желтая тень быстро наплывала на Андрея.

Он еще успел подумать, что надо бы не забыть, при случае, подкинуть Большому Начальнику идею насчет прямой ротации.

И, окунаясь в невообразимый ужас, прокричал:

– Грешник инвентарный номер W7X-430-DDE72904856-XL-912 из краткосрочного отпуска прибыл!

Секретные переговоры

– Ну, ты и местечко выбрал! – недовольно сказал брюнет.

– Зато здесь после бизнес-ланча никого не бывает никогда, – возразил рыжий. – Тихо, спокойно. И, кстати, пиво не разбавляют.

Брюнет брезгливо провел пальцем по трещине на краю дешевого столика зеленой пластмассы, затем вытащил носовой платок и вытер палец.

– А то, можно подумать, нас, – слово «нас» он выделил голосом, – кто-нибудь услышит, если мы сами не захотим! Или даже по минимуму напрягаться неохота? Так бывают отдельные кабинки в ресторанах, слышал, может?

– Угу, – ухмыльнулся рыжий, – без понтов никак. Оно тебе нужно – внимание лишний раз привлекать? Проще будь, коллега!

– Да пошел ты! – огрызнулся брюнет.

Рыжий осклабилсЯ еще шире и помахал рукой официантке, выглянувшей на летнюю веранду заштатного кафе.

– Мне «Туборга» ноль пять, – сказал он, когда девушка подошла к столику.

– Коньяку пятьдесят, – буркнул брюнет. – Какой есть? «Бастион»? Дьявол... Ладно, несите... И орешков каких-нибудь. Все равно, каких...

Эти двое выглядели абсолютно разными, если не считать

трудноопределимого возраста – от тридцати до пятидесяти – и среднего телосложения у обоих. Только очень цепкий взгляд, не исключено, зацепился бы за общее свойство – редкое сочетание цвета волос и глаз у каждого. Глаза брюнета сияли небесной лазурью, рыжий был угольно черноглаз. Но эту черноту скрывали солнцезащитные очки, так что странного сходства противоположностей не мог увидеть никто.

А в остальном... Брюнет занимал свой замызганной пластмассовый стул с достоинством какого-нибудь маркиза, если не герцога, – рыжий развалился расслабленно, только что ноги на стол не задрал; на брюнете, как влитой, сидел явно дорогой летний костюм – пестрая рубашка рыжего выбилась из-под ремня потертых джинсов; брюнет был идеально подстрижен и волосок к волоску причесан, гладчайше выбрит – патлы рыжего беспорядочно торчали из-под банданы, а лицо поросло пяти-шестидневной щетиной; брюнет цедил слова – рыжий похохатывал; брюнет, морщась, потягивал маленькими глоточками «Бастион» – рыжий шумно всасывал в себя пиво. Словом, брюнет воплощал собой респектабельность – рыжий был почти вульгарен.

Правда, лексикон собеседники использовали один и тот же, и если речь рыжего звучала органично, то в устах аристократичного брюнета кое-что могло бы показаться не слишком естественным. Но это и все, что, возможно, насторожило бы наблюдателя, и то – лишь исключительно

опытного, одаренного и, к тому же, заинтересованного. Да еще нечто неуловимое, недоказуемое и трудно описываемое – какая-то, что ли, нотка превосходства по отношению ко всему окружающему их миру. В то время как другого каждый из них признавал за равного.

Впрочем, никто за ними не наблюдал. Рыжий, надо признать, удачно выбрал место встречи.

– Разговаривать по-русски будем? – спросил брюнет.

– Все равно, – ответил рыжий. – А вообще-то лучше по-русски – я что-то привык.

– Под запись?

– А ты как думаешь? – фыркнул рыжий.

– Окей, – серьезно сказал брюнет.

– Ну, поехали, – рыжий допил пиво и отставил кружку в сторону. – Так что, значит, и вас там допекло, пардон за каламбур? Осознали?

– У нас там, – язвительно сказал брюнет, – начали осознавать серьезность положения еще тогда, когда у вас вообще ничего не понимали. Это же вы всё вот это, – он неопределенно махнул рукой, – принимали за чистую монету. Это же вы, идиоты, радовались... как вы там это называли?... возрождению духовности! Как дети, чтоб я сгорел! Губы раскатали – навербуем себе, как сыр в масле будем. Ага, навербовали. Дряни всякой невообразимой, с какой стороны не погляди.

Рыжий внезапно заорал:

– Девушка!!!

Официантка не торопясь приблизилась и молча встала у столика, поджав полные губы.

– Еще два пива! – рявкнул рыжий. – И тебе советую, – обратился он к брюнету, – возьми хоть соточку. Нам еще с тобой сидеть и сидеть.

Брюнет внимательно посмотрел на официантку и кивнул. Официантка так же неспешно удалилась, покачивая бедрами.

– А ты, – продолжил рыжий, – не обобщай. Что за манера гнусная? Я-то сразу почувствовал – не то это, не то! Я, слава Богу, не первый день в поле...

– Не обижайся, – отрывисто сказал брюнет. – Понимаю тебя. Я в таком же положении. Мы тут видим, мы чувствуем, а руководству черта с два это объяснишь, они этого не нюхали.

– Точно, – подтвердил рыжий. – Они там, наверху, как слепые... Во, спасибо, девушка! А вас как зовут? А, ну да, вот же бэджик! – Он уставился на грудь официантки. – А что вечером делаете, Катюша? Мы вот с коллегой совершенно свободны, люди, так сказать, вольных занятий, погулять мечтаем культурненько, компанию не составите?

– У меня до двенадцати смена, – угрюмо сказала официантка.

– Так это не помеха, – вскричал рыжий, – Богом клянусь! И улыбнитесь же, наконец!

– Жена ваша пускай вам улыбается, – ответила официантка.

– И она тоже, и она тоже, хотя я одинок как перст! – совсем распалился рыжий. – И все девушки должны радоваться и улыбаться! Особенно такие красивые, как вы!

– Ладно тебе, – одернул его брюнет. – Разошелся. Не обижайтесь, Екатерина. Через полчаса, будьте любезны, проведите нас.

Бедра уходящей Кати покачивались чуть сильнее прежнего.

– Хороша попка! – цокнул рыжий.

– Не умеешь ты с женщинами по-настоящему обращаться, – сухо сказал брюнет. – Тебе бы клоуном. Да всем вам... Ладно, продолжим.

Он лизнул коньяка, аккуратно положил в рот орешек и сказал:

– Так вот. Мое руководство, к сожалению, только недавно поняло, что мы находимся на пороге кризиса. Должен это признать – совсем недавно. Ни черта не получается. Гниль одна кругом, ни к чему не годная. Только сами собой и интересуются.

– А вам разве не этого надо? – ехидно спросил рыжий. – Сколько помню, ваши там всегда декларировали, что на людских пороках – самое то играть. Питательная, якобы, среда. Дебилы...

Брюнет вытащил из внутреннего кармана серебряные

портсигар и зажигалку.

– Не ёрничай, – сказал он. – Уж ты-то все понимаешь. И про наших, и про своих. Конечно, питательная. Только нужны и убежденные. А их мало. Недопустимо мало. Ниже критического порога. И у вас – то же самое.

Он зажег коричневую сигариллу и задумчиво уставился на струйку дыма.

– Да... – протянул рыжий. – То же самое. И тоже – только-только дошло. А то радости было! Дай закурить, что ли... Спасибо... И тут тебе, и там тебе, – он снял темные очки, кинул их на стол, обвел взглядом окрестности веранды, – сплошной малиновый звон, такая прям питательная среда! Тьфу!

Он припал к кружке. Потом поставил ее на стол, кинул в рот орешек с блюдечка брюнета, поднял голову кверху и яростно сказал:

– Заладили как попки – ах, какая благоприятная ситуация, только урожай собирай! А чего конкретно урожай-то? Мусор и мусор! Есть, есть, конечно, настоящие! Но как редко! И все реже и реже! И докладываю, чуть не с начала психоза этого – нет, по барабану!

Помолчали. Рыжий немного успокоился, снова заухмылялся.

– Короче, – спросил он, – ты чего делать-то собираешься? К нам не думаешь? Суть та же, а климат, пожалуй, поприятнее...

– А вот этого не надо, – сухо ответил брюнет. – Мы здесь не для того, чтобы друг друга вербовать. И потом, ты же знаешь: все вот так вот оставить – это путь к гибели. И для нас, и для вас. Мы живем, мы процветаем, когда есть чем жить. И всегда так было. А тут все к тому идет, что скоро жить нечем станет. Тут ни богу свечки, ни черту кочерги не будет. Тогда всем конец, хоть ты в поле работай, хоть в контору тебя отзовут. И вообще, хватит меня прощупывать. Ты встречу предлагал, ты и говори, что предлагаешь.

Рыжий побарабанил пальцами по столу.

– Ладно, – сказал он. – Я думаю, и наверху, наконец, прислушались, что не обойтись без серьезного чего-нибудь. Типа светопредставления устроить. Шоковая терапия, ага. А то распоясались вконец. Только это вместе надо, по одиночке ни нам, ни вам не справиться. Как считаешь?

– Да, собственно, – улыбнулся уголком рта брюнет, – на эту тему и уполномочен с тобой

говорить. Только не об этом непосредственно, а об организации переговоров на более серьезном уровне. Для начала – шефов департаментов. Мое руководство согласно. Только без огласки.

– Вот и договорились! – радостно воскликнул рыжий. – У меня те же полномочия! Ну, слава тебе, Господи! Ну, глядишь, дело пойдет! А то ведь ни в Бога, ни в черта не верят! С ума сойти можно!

Брюнет потушил сигариллу.

– С ума сходить не нужно, – сказал он. – А поработать придется. Ну что, запись останавливаем? Копиями обмениваемся?

– А как же! – закричал рыжий. – Слушай, а ты нормальный пацан, оказывается! А я тебя поначалу-то опасался, думал, долбозавр какой-то! Слышь, давай гульнем сегодня, а?

– Не хаами, – спокойно ответил брюнет. – А расслабиться не помешает. Только тут уже прохладно становится.

– Пошли вовнутрь! – с энтузиазмом предложил рыжий. – Ты не смотри, что обшарпано, русская кухня у них тут правильная! Салатов возьмем, водки, пельменей! И девки классные! Мне вот эта Катька, а еще, я на той неделе видел, тут Сашуля есть, тебе понравится!

– Пошли, – согласился брюнет. – Только Екатерина – моя.

– Ух ты, чертяка! – сказал рыжий и потрепал брюнета по плечу. – Ну, пошли, там разберемся!

Четвертое свойство

Туся позвонила, как всегда, в самый неподходящий момент.

Игорь выругался сквозь зубы. Он не стал ни смотреть на экран мобильного, ни, тем более, отвечать: когда ожесточенно вертишь руль и лихорадочно перебрасываешь сцепление с первой передачи на заднюю и обратно, когда елочишь своей машиной взад-вперед, чтобы объехать, буквально в миллиметрах, раскорячившуюся «Газель», – не до телефона.

Туся, конечно, больше некому. Хоть бы раз позвонила в удобное время! Феноменальное какое-то свойство...

Ничего, подождет. Или перезвонит.

Игорь, наконец, вырулил, потянулся к продолжавшей верещать трубке, и в эту самую секунду звонки прекратились. Он улыбнулся – вот же вздорная старуха! Представил себе, как тетка, прослушав ровно десять безответных гудков, даст отбой, выжидает ровно минуту и подагрическим пальцем набирает номер опять – ровно десять кнопок после восьмерки, ровно по секунде на кнопку.

Пользоваться кнопкой повторного вызова, не говоря уж о памяти телефона, Туся категорически не желала.

Ну вот. Все правильно – она.

– Здравствуйте, тетушка! – елейным тоном произнес

Игорь.

– Хам! – сказала Туся. – Тетушкой можешь называть вечно потную мамашу своей лопухой любовницы!

Игорь засмеялся. Лопухих любовниц у него отродясь не водилось. Откуда тетка брала эти определения – каждый раз новые, – он понятия не имел. Но забавлялся от души, и поддразнивал старуху нарочно. Иногда думалось: записывать бы надо; жаль, руки не доходят.

– Как себя чувствуешь? – осведомился он.

– Хам и эгоист! – гаркнула Туся. – Про лекарство ты, конечно, забыл!

– И ничего не забыл! Вот только-только от аптеки отъехал! Ладно, не кипятись... Так как чувствуешь себя, Туся?

– Соответственно возрасту, – буркнула она. И добавила уже совсем другим тоном. – Когда ждать?

– Ну, вечером... Часов в восемь, наверное.

– А приготовить тебе что? Поужинаешь же?

Игорь опять засмеялся.

– Сыра жареного в панировке. Ну, и еще чего-нибудь. На твой вкус. Закусить.

– Опять? – с сомнением спросила тетка. – Вот скажут потом, что я тебя спаиваю...

– Скажут-скажут, – подтвердил он. – Спаиваешь-спаиваешь.

– Только у меня к закуске ничего нет, – сообщила Туся, – а выходить не хочу, скользко очень на улице.

– Да уж привезу. Уж как-нибудь уж. А ты, главное, не размахивайся: излишне богатый выбор закусок есть издевательство над выпивающим. Неприкрытое. И вообще разврат.

– Отстань, – рассердилась она. – Учить он меня будет! Я борщ сварю!

– Не размахивайся, говорю! – строго сказал Игорь. – Знаю я тебя, напрыгаешься, а потом на сустав свой жаловаться будешь. И какой к черту борщ вечером?

– Что? Игорек, плохо слышно! – Тетка несколько раз дунула в трубку. – Ладно, пошла, некогда. Езди там осторожно. И кури поменьше! – Выкрикнула она свое неизменное заключительное.

– Хорошо, тетушка, – не удержался он, но, похоже, Туся успела отключиться раньше.

Вот ловкачка, с симпатией подумал Игорь. Старуха, как обычно, подняла ему настроение. Что ж за уникум такой? Ведь под восемьдесят, а сколько огня! Хоть прикуривай от нее...

Дорисовать картинку прикуривания, однако, не удалось: звякнул сигнал о поступлении эсэмэски. «Пришло. Сегодня в любое». Отлично, Родственник не подвел. Как же его на самом деле зовут-то, попытался вспомнить Игорь? Нет, наглухо забыл. Да оно и к лучшему, обналачивает – и ладно. Меньше знаешь – крепче спишь. Игорь отправил ответ: «Буду через час, где всегда», миновал два перекрестка, а на третьем свернул направо.

День завертелся. Родственник, потом офис, и всю дорогу звонки – то сотрудники, то поставщики, то клиенты, то сын. И бесконечная деловая переписка по Интернету, и «Банк-клиент», и... в общем, суета.

О Тусе он снова стал думать только вечером, направляясь к ней – конечно, с опозданием. Какое там в восемь, к девяти бы добраться...

Все-таки потрясающая старуха. Сварливая, взбалмошная, обидчивая, капризная, беспощадно-язвительная, временами даже грубая, но – чудо же что за старуха! И племянника обожает...

А уж загадочна – что-то с чем-то, выражаясь Тусиным же языком! Игорь помнил тетку всю жизнь, и всю жизнь взаимно обожал ее, но, если вдуматься – так мало о ней знал! Даже это дурацкое домашнее имя, вот оно – откуда? Добро, была бы Натальей. Натуся – Туся. Так ведь нет, Ирина она. Ирина Владимировна.

Туся... Игорь фыркнул. «И никаких тетъ, сколько тебе можно повторять, Игорь? Господи, в кого ж ты балбесом таким уродился! Нет, это точно по отцовской линии, у твоей мамы память была великолепная до последнего дня, и во всем роду так! Ты помнишь бабушку? А? Отвечай, помнишь?»

Да все он помнил, еще бы. Но вот странно, что ту же Тусю всегда помнил старой. Или это в детские годы так казалось – что старая?

Впрочем, она была старая, и она была ведьма, но – красивая старая ведьма. Величественная. Худая, даже, можно сказать, тощая. И такая осанка... если не королевы, то уж герцогини – точно.

И да, с исключительной памятью. Правда, о себе, о своей жизни Туся все больше молчала. На просьбы (когда-то давно – всамделишные, позже – скорее для подначки) рассказать что-нибудь реагировала в лучшем случае надменным вздергиванием брови. Так что о Тусиной молодости Игорь знал мало – обрывки какие-то.

Да и действительно: как ни странно – ничего примечательного. Была, вроде бы, романтическая история в юности. Вернее, трагическая. Возлюбленный Туси на ней не женился – кажется, погиб, утонул, что ли. Или сбежал... А она потом, много лет спустя, вышла замуж, но, по ее словам, ненадолго и без какого-либо следа. На вопросы о муже – кто был, что, зачем да почему – отвечала одно и то же: «Никто и ничто. Отстань, не будь болваном».

В общем, никакой ясности, и рассеивать туман тетка категорически не желала.

А вот многочисленные аборты – о них как-то проговорилась. Как раз выпивали вдвоем... Любит Туся лихо опрокинуть рюмку-другую, усмехнулся Игорь. А то и третью-четвертую. И исключительно водки. На меня, говорит, другое переводить бессмысленно, не понимаю я, не морочьте мне голову.

Да уж, подумал Игорь, стоя в очереди к кассе универсама как раз с бутылкой водки. Что в этом, что в абортах – романтики никакой. Что в трудовой биографии. Пыталась в театральное, что ли, поступить, или в хореографическое. Провалилась, а работала потом – в основном секретарила. То на заводе, то в исполкоме, то в райкоме профсоюза, то чуть ли не в ЖЭКе. А, припомнил Игорь, пару лет на вокзале работала: называлось это «диспетчер», а работа состояла в том, чтобы произносить в микрофон важные вещи типа: «Поезд номер такой-то следованием Москва – Воркуту подан к пятому пути. Нумерация вагонов от головы состава». Это, пренебрежительным тоном говорила Туся, очень простая работа, при моей-то дикции. Но коллектив был приятный. А выгнали как раз за это вот хулиганство – «путю-Воркуту».

Чума...

И с образованием у тетки – темное какое-то дело. Как она сама выражается – очень среднее образование. Но откуда-то языки знает, французский и немецкий. Причем, насколько Игорь мог судить, знает хорошо. Обмолвилась однажды – чуть ли не в гимназии их учила. Однако – какая к чертям гимназия? По времени не сходится, никак. Наверное, опять же под воздействием рюмочки. Аберрация памяти.

Хотя... память-то на самом деле редкостная. По кроссвордам можно судить – Туся занималась ими фанатично, и не было ни одного кроссворда, не решенного ею на все сто процентов. В буквальном смысле: ни одного. Никакие, да-

же совершенно дикие, на взгляд Игоря, и абсолютно никому не нужные слова не становились для нее преградой, а запонила она эти слова намертво.

Пожалуй, это второе из характерных теткиных свойств, после первого – раздражающей способности звонить всегда и только некстати. Вот, пожалуйста: как раз когда надо получить сдачу на кассе, в кармане затренькал телефон.

Он кое-как вытащил трубку, рявкнул в нее:

– Да!

– Забыл обо мне? – горько спросила Туся. – Уже восемь.

– Замотался, скоро буду, потерпи, – процедил Игорь.

– А, ну хорошо, жду, – оживилась она. – Да, слушай, как тебе последнее выступление Медведева? По-моему, очень многообещающее, а?

Игорь яростно ткнул в клавишу «Отбой».

Подъезжая к теткинскому дому, сообразил: предстоит, стало быть, дискуссия на политические темы. Ладно, что ж...

Вот, однако, и третье свойство: страсть к полемике. Яростная спорщица, изошренная, изворотливая. Любит это дело больше, чем сам Игорь, а уж он-то... Ну, и достойная соперница. Только не на темы политики, тут Туся слабовата.

Значит, сказал Игорь, сегодня победа будет за мной!

Паркуясь, он подвел итог сегодняшним размышлениям о тетке: загадочная личность, незаурядная. С тремя странными свойствами.

Ага, сказал он себе иронически, очень плодотворно. Ни-

чего нового... Наверное, это потому, что устал сегодня. Суматошный день выдался.

Ничего, сейчас отдохнем.

Игорь набрал код, вошел в подъезд, поднялся на теткин десятый этаж, открыл дверь своим ключом. Разделся, прошел на кухню. На столе было великолепие. Домашнее такое великолепие.

Он откупорил бутылку, разлил по стопочкам – одну до-полна, другую наполовину. Ухватил кусок жареного паниро-ванного сыра, закинул в рот, понял, насколько же проголо-дался. Сел за стол.

Зашумела вода в туалете, раздались шаркающие шаги, в кухню вошла Туся. Такая же, как всегда: гладко причесан-ная, подтянутая, прямая, в длинном шелковом халате, неко-гда роскошном. Да и сейчас еще халат ничего... И сама она – ничего, только ходит, опираясь на палку.

– Игорь, – сказала тетка, – у меня к тебе очень важный вопрос. Целый день места себе не нахожу. Только ты же сей-час начнешь кричать на меня...

– Привет, Туся, – откликнулся он, улыбаясь. – Да, вот твои лекарства.

– Привет, привет, – Туся с трудом уселась за стол. – Спа-сибо. Так вот, вопрос о-очень важный...

Она выжидательно замолчала.

– Давай сначала все-таки выпьем, – предложил Игорь. – Кстати, ведь я же просил! Ну зачем столько закусок разных?

Вот мне выбирай теперь, мучайся! Оставила бы сыр и, допустим, селедку, да и все! Ну, за тебя!

– Плебей... – процедила Туся. – За тебя, дорогой...

Они чокнулись, выпили.

– Давай свой вопрос, – сказал Игорь. – Только умоляю, обойдись без длинных преамбул, ты же знаешь...

– Я так и знала! – вскинулась тетка. – Сразу в крик, с места в карьер! Шведская шпычка!

– Все-все, молчу, – успокоил он. – Давай уже свой вопрос.

Туся посидела, раздувая ноздри, затем проговорила:

– Мне нелегко это спрашивать. Ты прекрасно знаешь, я не лезу в твою личную жизнь. Но не могу не спросить, потому что страшно беспокоюсь. У тебя действительно есть любовница? И действительно лопоухая?

Игорь ошарашенно посмотрел на нее, потом расхохотался.

– Что ты ржешь?! – возмутилась тетка. – Я тебе утром сказала, ты не возразил...

– Лопоухая... – выдавил он, утирая слезы. – И кривоногая... нет, одноногая... и кособокая... а-а-а!

– Идиот, – проворчала Туся. – Ты нальешь, в конце концов?

Принцип «между первой и второй» она исповедовала свято.

Выпили за все потомство рода.

– Борщ... – смущенно сказала старуха. Это тоже был тра-

диционный номер. – Он горячий, но, боюсь, невкусный получился...

– Ну вот, – ответил Игорь. – Что ж за манера – угощать да приговаривать: ах, как это невкусно! Да сиди ты, сам налью! А ты-то будешь?

– С ума сошел, – возмутилась она. – Я же на диете! А наливай сам.

– Да-да, – кивнул Игорь. – Хорошая диета: водка, сало... Туся подумала и развела руками – уел, дескать, крыть нечем.

– Так, – сказала она после третьей. – Вот еще один вопрос. Короткий. Смотри.

Игорь взглянул на подсунутый ему под нос листочек. Твердым почерком было выведено:

– б – — р – — т

– Краткое описание содержания книги, статьи, – пояснила Туся.

– Ты?! – изумился Игорь. – Тебе нужна помощь по кроссворду?!

– Сдаю, наверное, – сухо сказала она. – Вот и нога болит, даже боюсь из дому выходить... Ну так что за слово?

Игорь пожал плечами.

– Могу завтра в интернете поискать. А по буквам – «обсирант» подходит.

– Сам ты обсирант, – буркнула тетка. – Толку от тебя... И не верю я в этот ваш интернет... Ладно, сама найду. Когда

бессонница, еще и не такое вспоминается. Кстати: если меня вдруг не станет, имей в виду – квартира твоя! Исключительно твоя, понял? Хочешь сдавай, хочешь продавай, но все тебе! Это моя воля, только с завещанием возиться не хочу. Гусей дразнить... Ты меня понял? Что молчишь, как истукан?

– Да понял, понял... – пробормотал он. – Ты мне каждый раз это долбишь...

– Ну понял, и хорошо, – неожиданно ласково произнесла Туся. – А теперь давай, разъясни старой дуре про Медведева. Мне вот его выступления нравятся. И по «Эху» передача была, там его хвалили. Мне кажется, есть надежда. А?

– Господи, – простонал Игорь. – Туся, ты взрослый человек! Все они одним миром мазаны!

Яростный спор длился до тех пор, пока не усидели всю бутылку. Племянник держался, в общем, корректно, хотя пару раз его и заносило. А тетка рвала и метала, обзывалась по-всякому, обижалась, однажды даже всплакнула – впрочем, не жалобно, а зло.

Потом она всплеснула руками:

– Надо же, всю выпили!

– А как ты думала? – ухмыльнулся Игорь.

– Я не думала, – призналась Туся. – Лучше скажи, как ты думаешь: тебе не грозит стать алкоголиком? Меня же совесть мучает... Опять он ржет... Тьфу. Так, спать пора. Все равно никуда не пушу, как ты машину поведешь в таком состоянии?

– Да ну... – начал было он, но старуха провозгласила, явно кого-то цитируя. – Пьяный за рулем – преступник! Все, не спорь! Сейчас постелю тебе.

– Да я сам, – сдался Игорь. – Не суетись, знаю я и где раскладушка, и где белье взять. Только перекурю сначала.

– Сначала домой позвони, – приказала Туся. – Потом мне трубку дашь, а то еще Лена не поверит, что ты у меня. Подумает, что у этой своей... лопоухой...

Игорь давно похрапывал, а Тусе не спалось. Ныло бедро, свербило неразгаданное слово, да и вообще тревожно было.

Уже под утро она решилась. Повозившись, вытащила из-под головы подушки, легла совсем плашмя. Плотно закрыла глаза, завела их, под сомкнутыми веками, наверх, подержала так, потом вернула в нормальное положение. Сосредоточилась. Начала искать.

Слово нашлось быстро: обсерват.

Стало спокойнее, но все мешала тупая боль в ноге, и Туся, просто чтобы отвлечься, вызвала портрет человека, который вылечил бы ее безо всякой компьютерной чепухи. Он-то умел лечить, Туся отлично помнила.

На внутренней поверхности век возник рисованный портрет в узорной овальной рамке. По верху, над головой изображенного на портрете мужчины, вилась надпись на фарси.

«Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина», – привычно

прочитала Туся. Так же привычно вгляделась в лицо гения и вздохнула: похож... И какой он здесь еще молодой...

В скиту

...На перепутье мне явился @ (А.С.П.)

Басовито жужжа, тварь зависла над самой головой пророка. Не открывая глаз, он резко выбросил руку вверх, сжал пальцы в кулак, но тварь, судя по звуку, проворно отпрянула. И снова зависла – теперь над той частью тела пророка, которое он ощущал, как самое мокрое.

Еще и хвоя колола щеку – даже через бороду.

– Гррр, – произнес пророк.

Да, так и есть: речь не вернулась. Интересно, сколько же крыльев у сегодняшней паскуды? Четыре, загадал пророк. Или пять.

Он лягнул воздух, жужжание сделалось выше тоном, удалилось, приблизилось вплотную и смолкло. Пророк приоткрыл один глаз – тварюга, здоровенная, мясистая, даже какая-то жирная, сидела на земле в полуметре, выкатив наглые синие глаза и подрагивая радужными крыльями. Девятью – три ряда по три. Нет, уточнил он, взглядевшись, десятью – вон оно, десятое, прямо под жопой. Маленькое такое. Должно быть, вроде кия.

«Бляди», – подумал пророк.

Он с трудом поднялся и потащился к бочагу. Вода уже сильно смердела, но все тело пророка чесалось, так что де-

ваться было некуда.

Пророк посмотрелся в неподвижную гладь. Ну что, все по-прежнему: волосы черны, блестят, словно свежемывыты, ниспадают красивыми волнами (но голова зудит!); борода, напротив, рыжа, жестка, будто проволоочная мочалка, обширна, дика и величественна (а уж чешется до кровавых струпьев!); глаза мутны, цвета не различить.

Он ухнул филином и рухнул в бочаг бревном. Стоя по колено в иле, с головой под водой, пророк представил себе, как красиво струятся по зыби могучие черные пряди. Затем выпустил цепочку пузырей, задержал дыхание, помочился, подрал заскорузлыми руками кожу лица под бородой. Наконец, почувствовав, что вот-вот захлебнется, двинулся вперед и не без труда выбрался на берег.

Дышалось тяжело. Пророк густо сплюнул – угодил в основном в бороду.

«Ну вот, – подумал он, – теперь и весь мокрый. А и пох. Только перебираться надо к другому бочагу, в этом вода совсем завонялась, уже поссать ссыкотно».

Почему-то при мысли о смраде страшно захотелось жрать. Наметанным взглядом пророк выхватил замершего в траве лягушонка, немедленно упал на него, но промахнулся.

«Немедленно, да как раз медленно», – сказал он себе. А вслух рыкнул:

– Мрргррррр!

И тут же с досадой вспомнил о десятикрылой твари. До-

сада мгновенно превратилась в злобу, дополнилась ненавистью, и пророк едва не воспарил без единого крыла.

Но напомнил о себе голод. Пришлось брести к месту лёжки – по знакомой дуге, по испытанной траектории, на которой всегда росла пара-другая грибов.

«Надо в скит уходить», – сказал он сам себе, жуя.

«А ты где, козел?» – жуя, себе сам он сказал.

«Иди к такой-то матери!» – сказал он сам себе, жуя.

«Ты в скиту и есть, козлина!» – жуя, себе сам он сказал.

«Тебе сказано куда идти?» – сказал он сам себе, жуя.

«Сам иди!» – жуя, себе сам он сказал.

Дожевав последний грибок, пророк подумал: «Вот и поговорили».

Он доплелся до лёжки. Десятикрыл (или девятикрыл килеватый) неподвижно сидел на прежнем месте. Пророк с тоской посмотрел на него и решил усесться подальше. Выбрал толстую сосну, опустился на колкую землю, привалился к дереву спиной, закрыл глаза, задремал.

Пучило. А еще – хотелось женщине.

– Учитель... – прозвучало на грани слышимости.

Он открыл глаза. Так и есть – послушница. Она самая: ни худая, ни толстая; ни красивая, ни уродливая; ни умная, ни глупая; простоволосая, босоногая; да что там босоногая – нагишом. Так уж заведено, так уж приучена.

«Ну что ж, – подумал пророк, – тварь опять не та, сука гнойная, зато баба вот...»

– Покушаете, учитель? – как будто робко спросила послушница. – Грибков я вам...

Пророк вскочил на ноги, зарычал, кинулся на покорное тело, обхватил его напрягшимися до синих жил руками, швырнул на землю, обрушился сверху, принялся драть.

– В меня, учитель, в меня... – молило тело.

Но он, как всегда, взревел: «Мвхrrrr!» и кончил телу на живот. Откатился в сторону. Послушница тихо плакала, приговаривая:

– Учитель, миленький... А вот грибков... Миленький...

«Послушников плодить», – подумал пророк. Он из последних сил поднял руку, попытался щелкнуть пальцами – не получилось, вспотели пальцы – повелел жестом: «Уходи» и снова закемарил.

Очнулся от того же шепота:

– Учитель.

Сказано, однако, было тверже. Пророк в печали повернул голову на зов, посмотрел: да, точно, теперь ученик явился. Ишь как глядит – строго, требовательно.

– Уедем, учитель? – спросил ученик. – Давай уедем, а?

– Учитель... – вторило из-за кустов женским голосом.

Заболела голова, затошнило. Пророк повторил жест: «Уходи» и закрыл глаза.

Был шорох шагов, возня в кустах, взвизги и шлепки, стоны и короткий вскрик.

«Вместе кончили», – оценил пророк.

Потом – снова шорох шагов, дальше и дальше, и вот все совсем стихло.

Он в изнеможении утер лицо бородой, яростно поскреб ее, взглянул на килеватого девятикрыла – сидит, вроде как спит.

Пророка вырвало. Он уставился на плохо пережеванные и вовсе не переваренные кусочки грибов. Сфокусировал зрение. Пришел в себя. Подумал зачем-то: «А жизнь – она где-то там», Мягко, как в лучшие годы, вскочил на ноги, коротко разбежался и прыгнул на спящую сволочь.

Сначала он оторвал три крыла, выстроившихся по хребту. Затем, весь в черной крови, ухватил, крутанул и выдернул киль. Тварь, ставшая шестикрылой, прекратила истошно визжать, слабо клекотнула и умолкла.

Пророк отпустил ее и промолвил:

– Серафим, йо!

– Серафим, йо... – отозвалось изувеченное существо и испустило дух.

«Ура», – неуверенно подумал пророк.

Зачесались лопатки, а потом зачесалось ниже, и еще ниже.

В шести местах.

– Ну и то, – громко возгласил пророк. – Хоть в шести, а не в девяти. И в жопе не чешется.

«И пох», – сказала оно само себе.

«И пох», – себе само оно сказала.

Зажужжало и полетело.

Чужие свои

Exit

Воняло. Не то, чтобы непереносимо. В смысле – не так уж сильно. И не сказать, чтобы совсем уж отвратительно. Воняло слабо и, если чуть-чуть извратиться, даже, может, и приятно – сладковато так, самую малость гнилостно.

Впрочем, нах-нах такие удовольствия.

Главное – что воняло непрерывно. Никакого спасу. Совершенно изнурительно.

Вадим сморщился, оторвался от клавиатуры – все равно ни фразы написать невозможно, – встал, подошел к окну, нервно распахнул его. В комнату хлынул морозный воздух. Вадим пыхнул зажатой в углу рта сигаретой, затаился, выдохнул в окно, поежился. В голове снова возникли какие-то слова. Он метнулся к столу, принялся переносить слова на монитор.

Вскоре запах вернулся, несмотря на холод.

Черт, подумал Вадим. Черт. Что за наказание. Забил на все, остался после выходных на даче, думал неделю провести в творческом, сука, экстазе – он всегда смущался пафоса и привык снижать его вульгаризмами, – и вот на тебе. Вонь. Аромат. Букет. Амбре, блин. Третий день подряд.

Он ткнул окурок в пепельницу, спустился на первый этаж – четвертая, если считать снизу, ступенька неприятно скрипнула, – прошел на кухню, открыл холодильник. Отсюда, что ли, несет? Нет, вряд ли. Пяток яиц, три банки консервов рыбных разных, подсохший уже кусок сыра. Все, можно сказать, стерильное. На стенке дверцы – две бутылки водки, в одной на донышке, другая непочатая.

Посмотрел через плечо – на полу, в углу, стоят еще две бутылки. Пустые. Много пью, покаянно подумал Вадим. И возразил себе: а как не пить? Выпьешь – обоняние притупляется.

Кстати, можно бы накатить. А то никаких сил терпеть. Одиннадцать утра, по старому времени как раз пора.

Он вылил в любимую стопку остатки, аккуратно пристроил опорожненную бутылку к двум другим, отрезал от подчерствевшего батона кусочек. Да, хлеб тоже кончился. Белого только сухая горбушка осталась, черный зацвел. Вадим понюхал заплесневевшую буханку – пахнет, но запах совсем не тот.

Снова влез в холодильник. Ага, масла нет... обойдемся... а вот – черная икра... из водорослей... дожил... ладно, сгодится, не барин...

После того, как выпил и закусил, стало немного легче. Подумалось, что надо бы сгонять в магазин, а то голодная смерть тут практически на носу. Нет, иронически поправил он себя, голодная кома. Так изящнее звучит.

...Слова, слова... Как же бедны они. Как мало можно выразить словами, особенно в прозе. И как это мучительно. В поэзии-то еще ничего – ритм там, созвучия, то, се. Похоже на музыку, только с имитацией смысла. И за изначальными значениями слов – что-то иное. А в прозе – вроде бы просто, но это только так кажется. Несравненно труднее. Созвучия, наоборот, приходится ломать, или, вернее, строить абсолютно по-другому. В поэзии они – из призрачных хрустальных конструкций, в прозе – из кирпича, грубого, да к тому же плохо обожженного. Поди скрепи эти кирпичи. Ритм опять же – есть, должен быть, только слогами не сочтешь, все плавает, все – то оно так, а то оно эдак... А смыслы между тем норовят ускользнуть...

Вадим очнулся, поставил стопку на стол. Все это, конечно, очень даже красиво, хоть и банально, да вот снова завоняло. Так, немедленно перекурить, а там видно будет.

Взбежал – как молодой, хмыкнул он, ежели за куревом, – на второй этаж, цапнул сигареты, зажигалку, снова ссыпался вниз – та же ступенька скрипнула, чтоб ее, – выскочил на крыльцо, закурил.

В полдень, напомнил себе Вадим, устрой кофе-брейк. Эта мысль всегда грела. Потом все-таки съезжу, прикуплю жратвы. В ближайший магазин съезжу. Километра три, ментов тут отродясь не стояло, глухомань, а выбор в этом сельпо

не хуже, чем где-либо. Да, водки еще прикупить.

Но что же это все-таки так отравляет жизнь? Вот опять тянет...

– А это от вас самих, Вадим Игоревич, и тянет, – отчетливо прозвучало в голове.

Вадим отстраненно подумал, что следовало бы вздрогнуть. Но почему-то не вздрогнулось. Вместо этого он с сомнением произнес вслух:

– Белочка? Так неоткуда, вроде как.

– Неоткуда, – подтвердил голос. Неприятный, кстати, голос. Очень уж равнодушный. Ну, совсем безразличный. – Подумаешь, ноль семь в день. Пустяки. Вы, дорогой, на делириум тременс даже и не рассчитывайте.

– Мать... – пробормотал Вадим, закуривая следующую сигарету.

– Фу, – отозвался голос. И смолк, словно его обладателя шокировал намек на мат.

Вадим обошел дом по часовой стрелке. Никого, естественно. Заглянул в гараж. Все спокойно. И уж тут-то вонять нечему и говорить некому. Взял ломик, проследовал в дальний угол участка, приподнял люк септика, сдвинул, заглянул, приняхался. Ну, говнецом потягивает, да, но это не то.

– Не там, не там ищите, – брезгливым тоном сказала нечто. – Вот же debil... Ведь русским языком сказано – к себе приняхались бы.

– Да пошел ты, – пробормотал Вадим.

Однако глюки налицо. Белка там, не белка, но глюки вполне даже выраженные. Что ж, и так бывает. Наверное.

Он все-таки последовал совету голоса — сунул нос под мышку. Ничего особенного не учуял, но поднялся в ванную, принял душ — обстоятельно, тщательно. Истово вымыл голову. Спустился в спальню, оделся во все чистое.

— Вот это правильно, — откликнулось в голове.

— Иди в жопу, — огрызнулся он.

В груди возникло что-то — словно корявый кол встал между горлом и желудком. Вадим сглотнул раз, другой — не помогло. Ладно, решил он, клин клином.

Вернулся на кухню, мимоходом зажег конфорку под чайником. Вытащил из холодильника бутылку, вскрыл, налил, выпил, закусывать не стал. Посидел молча. Когда чайник засвистел, намешал растворимого кофе, глотнул, закурил. Прислушался к ощущениям.

В груди отпустило. Но пахнет, пахнет.

Далее обследовал:

— кладовку. В картонной коробке, которую подозревал, обнаружил две вялые картофелины и одну луковицу. Никакого особенного амбре. Да, картошки купить, когда в магазин поеду.

— подвал. В прошлом году тамдохлая мышь завалилась. Сейчас — ничего.

Идиот, идиот, стучало в голове.

Ладно, решил Вадим. И это пройдет. Он взял кружку с ко-

фе, сигареты, зажигалку, в который уже раз поднялся на второй этаж – дефектная ступенька теперь промолчала, – сел за стол, положил руки на клавиатуру. Сейчас, вот только допью, докурю...

...а смыслы все ускользают, и чтобы уловить их, нужно напрячь не воображение даже, которого традиционно, как он всегда считал, не хватает, и не логику, которой, опять же традиционно, всю жизнь девать некуда, только непонятно, что с ней делать... а что-то другое, идущее вот оттуда, сверху... Господи, как беспомощен я... ритмы, созвучия, смыслы, образы, память... но погоди, погоди, сейчас я уловлю...

В нос шибануло. И некто сзади вежливо произнес:

– Здравствуйте.

Вадим обернулся. В проеме двери завис неясный силуэт.

– ...?

– Да неважно. Вы, Вадим Игоревич, сами все понимаете.

– ...?

Перед глазами, справа налево и немного снизу вверх, проплыли черные пятна, три штуки. Опять возник тот самый кол в груди. Стало темно, тихо, и даже запахи исчезли.

Потом Вадим пришел в себя – во всяком случае, так ему показалось. На экране монитора все висели буквы, в которые он много месяцев пытался вложить смысл. И еще – звонил

мобильный. Он понял – это почувствовала что-то и встревожилась женщина, любившая его.

Но ни разобрать смысла тех букв, ни ответить той женщине он не сумел. Ах, как жаль...

Зато и преследовавшего его запаха не стало.

Мгновением позже не стало ни звуков, ни света.

Значит, покой, подумал Вадим. Классика. Последний импульс памяти. Заслужил же я хотя бы это.

Тьма и безмолвие не ответили.

В память о том, чего не будет

Ключ мягко вошел в личинку. Сергей провернул его на один оборот, медленно нажал на ручку, потянул. Дверь не подалась.

Осторожно дернул раз, другой. Безрезультатно.

Чччерт! Ольга. Забыла отодвинуть засов. Никогда не забывает, а сейчас забыла.

Два ночи без нескольких минут. Черт.

Придется звонить. Не торчать же до утра на лестничной площадке. Не спать же в машине. И, тем более, не возвращаться же.

Он прикрыл глаза и увидел, как наяву, лицо Валентины.

Оживленное. Серьезное. Смеющееся. Сияющее радостью. Отрешенное. Умиротворенное. Исполненное любви, счастья, покоя. Опять отрешенное, только по-иному – печальное, словно опрокинутое в себя. Это он только что сказал: «Поеду».

Нет, возвращаться невыносимо. Позже... завтра... конечно, вернусь, без всяких «может быть», вернусь, больше всего на свете хочу – вернуться... и она ждет... наверное... точно ждет... Но сейчас – невозможно.

Значит, звонить.

Эх, ведь благополучно проскочил мимо поста ГАИ, хотя почти и не рассчитывал – далеко за полночь, машин мало.

Алкоголя в крови всего ничего – что там, бутылка сухого на двоих, да и оставалось еще на доньшке, не допили... сновала ее лицо, глаза, руки...

Сергей помотал головой. С ГАИ обошлось, думал, и сейчас обойдется. Но не повезло.

Он надавил на кнопку звонка. «Бим... бом...» – мягко раздалось изнутри.

Тишина. Он напряг слух. За дверью ничего не происходило. Крепко спит... может, снотворное приняла... ах ты ж, Господи, нехорошо-то как...

Еще раз позвонил, теперь длиннее. «Бим... бом... бим... бом...»

Так, подумал он, сейчас откроет, и, значит, что? Итальянцы, Оль, понимаешь, позвонили уже под конец дня, попросили встретиться... ну да, прямо сегодня, они завтра улетаются... Бизнес, ничего не попишешь... В «Антонио», а они, собаки, заводные – это ужас один, Роберто – тот серьезный такой, лысый и в очках, Марко здоровенный и кудрявый, и удержу никакого, представляешь? В каком смысле «то серьезные, то заводные»? Ну, Оль, по делу они серьезные, а жрать и пить заводные, понятно же! Образцы с собой привезли, Вальполичелло там всякое, Монтепульчано, я ж не могу пренебречь, работа у меня... Да ладно тебе, Оль, ну извини, ложись, спокойной ночи, родная.

Его передернуло от отвращения к себе. Я ведь Ольгу тоже люблю, подумал он, стиснув зубы. Как иначе-то, родной че-

ловек, роднее нет, двадцать лет вместе.

Эх, сердце! Вмещает двух, что ж я могу сделать...

Гадко-то как все...

Между тем Ольга не открывала. Он позвонил еще и еще, уже заводясь – что ж такое, на самом деле ночевать мне тут, что ли, на коврикe под дверью, как собаке?!

Мертвая тишина. Только за соседской дверью, стук в стук, приглушенно и коротко проскулила собака.

Сергей вытащил мобильный. Дьявол, входя в Валюшкин подъезд, выключил его, а потом включить забыл.

Да, Оль, аккумулятор сел в телефоне, вот только в машине и подзарядил...

Он включил трубку, выбрал в записной книжке «Home», нажал кнопку вызова. В недрах квартиры заверещал монофонический канкан – сигнал их домашнего телефона. Верещал долго и безответно.

Что-то случилось, понял Сергей. Отчетливо понял, до волны холода вдоль позвоночника.

Сразу стал соображать абсолютно ясно, как будто не было длинного дня, муторного вначале и волшебного в конце. Повернул ключ еще на один оборот. Идиот, просто Ольги дома нет.

Ничего себе – просто... Натуральный идиот...

Вставил другой ключ, цилиндрический, в верхний замок, сделал три оборота. Беспрепятственно открыл дверь, вошел в квартиру.

Тихо, темно. Включил свет в прихожей, в спальне, в гостиной, на кухне. Никаких следов того, что Ольга возвращалась вечером. Форс-мажор, беспомощно подумал Сергей, и машинально отметил краем сознания, что даже панические мысли у него – будто из-под штампа.

Набрал мобильный жены. «Абонент не отвечает или временно недоступен...» И еще раз, и еще, и еще.

Сел на кухне, закурил. Что делать-то? Катюхе звонить? Да ну, третий час ночи, спит в объятиях этого своего, ничего, конечно, не знает. Или даже не спит... Двадцать лет девчонке, и этому... бойфренду... Максу... ненамного больше. Паразит... И Катька дуреха... Окончила бы университет, прежде чем... Хотя я и сам когда-то... Всего же сорок два...

Господи, вздрогнул он, о чем я?! Ольга-то где?!

Жена нашлась уже утром. В Склифе. Накануне вечером, в начале девятого ее сбила машина. Как раз в это время, вспомнил Сергей, Валины глаза засияли мягким теплым светом...

Он примчался так быстро, как только сумел. Состояние стабильно тяжелое, сказали ему. Без сознания. Делаем все, что можем. Нет, к ней нельзя, вы с ума сошли, да и смысла никакого. Хотите ждать – ждите, но вообще-то мы вам позвоним. Нет, ничего не нужно. Пожалуйста, не мешайте работать.

Он проболтался вокруг Сухаревской площади весь день.

Несколько раз заходил в справочную, ему отвечали все то же казенное: состояние стабильно тяжелое, сознания нет.

Ближе к вечеру позвонили. Сказали: приходите...

К несчастью... Несовместимые с жизнью... Примите наши соболезнования...

Она приходила в сознание, спросил Сергей? Нет, не приходила, ответили ему. Ей не было больно, заверили его.

Господи, как жить дальше, спрашивал себя – или не себя? – он.

... – Тост! Да тише же, сволочи! – надрывался Никита, извечный тамада и разводящий, душа компании. – Тост!

Наконец, установилась тишина.

– Ну вот, – сказал Никита, поднимая рюмку с водкой, – мы тут за юбиляршу, за Валентину, выпили уже, наверно, цистерну.

За столом загудели, засмеялись, кто-то сказал: «А тебе жалко?»

– Ради Вали нашей мне ничего не жалко, – повысил голос Никита. – Я за нее целый железнодорожный состав выпью. И ради Сереги, которого мы все любим, тоже ничего не жалко. С поправкой, конечно, на его... эээ... половую принадлежность.

Снова засмеялись.

– Хватит ржать! – гаркнул Никита. – Я серьезно говорю! За Сергея мы тоже уже пили. А вот я предлагаю выпить

за них, как за пару. Я хочу всем вам напомнить, – он сделал паузу и многозначительно воздел вилку с нацепленным огурчиком, – что с этими двумя судьба обошлась круто. Ох, как круто!

Собравшиеся притихли, а Сергей почувствовал себя неловко.

– Семь лет назад, – продолжил Никита, – скоропостижно скончался Андрей, которого все мы опять же знали. Я хорошо помню этот шок: тридцати пяти еще не было парню, здоров как буйвол, и просто ни с чего – инфаркт...

Валины тонкие пальцы нашли под столом руку Сергея. Он сжал ее ладонь. Осторожно покосился на жену. Ах, этот точеный профиль... Зря Никита свой тост затеял, зря...

– А три года назад, – Никита никакой неловкости не чувствовал, – трагически ушла из жизни Ольга. Пьяный пододнок на машине, и нет человека.

Снова, как в ту ночь, волна холода прошла вдоль позвоночника Сергея. И, он знал, Валя испытывала то же самое.

– Но! – провозгласил Никита. – Судьба берет, но она же и дает! Закон сохранения! Эти двое, Валентина и Сергей, все преодолели, они нашли друг друга, и, признаюсь, я никогда в своей некороткой уже теперь жизни не видел такой подходящей друг к другу пары. Выпьем же именно за них двоих! За пару! Ура!

Стали чокаться. У кого-то достало ума крикнуть: «Горько!»

Сергей, не отпуская Валиной руки, встал. К нему потянулись с рюмками.

– Стоп! – сказал он и поставил рюмку на стол.

Народ примолк. Валентина, чуткая душа – все-таки Никита, как бы ни был толстокож, не сильно ошибся – мгновенно поняла движение мужа и тоже встала.

– Стоп! – повторил Сергей, наполняя водкой большой фужер. – Извини, Никита, я знаю, что не положено корректировать тост, но сейчас иначе нельзя. Мы иначе не можем. Так, Валюша?

Валентина медленно кивнула.

Сергей кинул взгляд на Катюху, сидевшую слева от него, и на Сашку, сына Вали и покойного Андрея, теперь – его приемного сына.

– Выпьем не чокаясь, – сказал он. – В память Андрея, в память Ольги.

Никита что-то сконфуженно и неразборчиво пробормотал. Все словно протрезвели. Выпили молча.

– Я пойду покурю, – шепнул Сергей жене.

Вышел на балкон, зажег сигарету, облокотился на перила, уставился на двор. Господи, какая же я мразь, безнадежно подумал он. Погоревал неделю... ну, месяц... это не важно, сколько в точности... а потом в глубине души радовался, что так все вышло... Да что себе-то врать – с самого начала радовался, пусть и в самых темных глубинах этой самой души... душонки...

Ушла Ольга, слава Богу, безболезненно ушла, и освободила его, а за четыре года до того так же, в одночасье, Андрей освободил Валентину, и не осталось никаких препятствий, и они теперь вместе...

Да, Никита – вот он, рядом, тоже закурил, и что-то басыт извиняющимся тоном, и по плечу похлопывает, – Никита прав, они пара, что называется, Божьей милостью, только не забыть ту ночь в пустой квартире и не избавиться от этого убийственного чувства: я предатель и мразь.

Катюха тоже тут, на балконе. Тронула отца за локоть. Еще народ подтянулся, дымят все, что-то говорят ободряющее, негромко так, сочувственно.

Это особенно мерзко – все им восхищаются, его душевную тонкость и силу ценят. Только не знают, какая он на самом деле тварь.

Даже Валя, его Валюша, и та, наверное, не знает. Немыслимо с ней говорить о той своей радости... Впрочем, она-то, может быть, и понимает. Чувствует.

Сергей докурил, тряхнул головой, взял себя в руки.

– Ну, продолжим! – провозгласил он, хохотнув. – Пошли теперь, Никитин тост выпьем.

Садясь на свое место, он поймал взгляд жены – печальный, как в тот вечер, будто опрокинутый в себя.

...Господи, вздрогнул он, о чем я?! Ольга-то где?!

Раздалась трель мобильного – эсэмэска пришла.

Сергей лихорадочно разблокировал клавиатуру, открыл сообщение – «Этот абонент звонил вам 6 раз. Последний раз...» – и время. Около полуночи. И номер жены.

И еще одно сообщение: «Я у Кати. Телефон отключаю».

Он набрал номер дочери. Руки немного дрожали. Ответила Ольга:

– Алло!

– Что случилось? – закричал он.

– Случилось то, что Катерина заболела, Максим беспомощен, как не знаю кто, а тебя носит черт знает где! – шепотом закричала жена.

– Это тебя носит... – закричал было он в ответ, но осекся. – Что с Катюхой?! – И крепко зажмурился, как в детстве, когда пытался отогнать от себя дурные мысли.

– Жить будет, – сухо сказала Ольга. – И все. Не мешай спать.

– Мне приехать?

– Очень ты тут нужен! – отрезала она и заключила. – Отстань.

Гудки отбоя.

Сергей положил трубку на стол, подошел к окну, бездумно вгляделся в вертикали окон соседних домов. Темно, почти везде темно, лишь кое-где свет.

Потом открыл холодильник, достал початую бутылку водки, взял из сушилки стакан, налил до краев, медленно выпил. Перевел дух.

Прошел на балкон, закурил, облокотился на перила, уставился на двор. Господи, подумал он, как же мне теперь со всем этим?..

Закрыв глаза, увидел, как наяву, лица – Валентины, Ольги, снова Валентины, Кати, Сашки, Андрея, опять Валентины и опять Ольги...

А за что же это я выпил там, на кухне? – спросил он себя. Ведь наверняка не просто так...

Это я выпил, объяснил он себе, в память о том, что было. И о том, что будет.

Вернее – чего не будет.

День Хачика

– Стаканьё давай! – потребовал гость, свинчивая колпачок с бутылки ноль семь.

Хозяин обвел взглядом стол. Немудрящая закусь: килограммчик помидорчиков, полкило огурчиков, охалка лучку зеленого, неуклюжая пластина копченых свиных ребер. Два стопаря. Отодвинутая в сторону бутылка хорошего коньяку.

– Так вот же... – он показал на стопки.

– Совсем от рук отбился... – гость сощурил и без того узкие глаза. – Андрюх, ты чо?! Наперстки бы еще выставил!

Андрей вздрогнул, сконфузился и, неразборчиво бормоча о полнейшей затраханности текучкой, кинулся за стаканами. Действительно, кто ж спирт из рюмок или там стопочек пьет? Вытащил из шкафчика пару вискарных стаканов, торопливо сполоснул, поставил на стол. Вода еще нужна же... Перелил из пятилитрового баллона в стеклянный кувшин. Тоже бы сполоснуть его, кувшин-то, да заторопился что-то... Ладно, сойдет.

– Эх, – вздохнул гость. – Граненых-то у тебя нету, что ли?

– Не привередничай, Вадька, – огрызнулся Андрей. – Наливай уже.

Усмехнувшись, Вадим налил себе полстакана спирта, добавил воды. Андрей сделал то же самое. Известное дело – спирт каждый наливает себе сам, разводящих тут не полага-

ется.

Взялись за стаканы с помутневшей смесью. Кивнули разом. Выпили не чокаясь, молча. Знали, за что пьют, слов не требовалось.

Закусывать не стали, сразу налили по второй.

– Семнадцать лет... – тихо произнес Андрей.

– Земля ему пухом, – отозвался Вадим.

Выпили, опять не чокаясь, но теперь уж и закусили – лучком для начала. Андрей сразу закурил, откинулся на спинку стула, расслабился. Вадим тоже сделался менее... бронзовым, что ли? Смежив веки, он стал похож теперь на маленького деревянного идола в маленьком буддийском храме. Теплое что-то такое, уютное...

Впрочем, в буддийских храмах Андрею бывать не доводилось. Ни в больших, ни в маленьких. Да и кореец Вадик к буддизму никакого отношения не имел.

– А ты знаешь, Андрэ, – проговорил он, не открывая глаз, – как Хачик в Ростов-то распределился?

– Да уж как-нибудь знаю, – откликнулся Андрей. – Он со мной перед тем советовался.

– Со мной тоже.

– Да мы с тобой об этом сколько раз терли...

– Угу...

Странная дружба, подумал Андрей. И была странная, и стала еще страннее. Собственно, в институте как-то особенно и не дружили. Общались много, пили вместе много,

по девкам ходили, стройотряды, картошка, сборы военные – это да. В лаборатории при кафедре что-то вместе кропали с юношеским энтузиазмом. Знали один о другом, можно сказать, всё. Вот только дружба ли это? Андрей сомневался. Компания хорошая, по случаю слепившаяся, не более того. Да и не трое их было – гораздо больше.

А распределились по разным городам – и, собственно, всё. Поначалу раз в два – три года встречались всей группой, потом реже и реже. У каждого своя жизнь, свои новые друзья. И опять же – друзья ли?

А вот как Хачик погиб, так с Вадькой и настоящая дружба началась. Из всей группы только они двое в Ростов на похороны примчались: Андрей – из Москвы, Вадим – из Казани. Потому, возможно, что ответственность чувствовали – действительно, спрашивал Хачик у них совета насчет распределения. Очень в Ереван хотел распределиться, просто мечтал о Ереване. И предлагали ему туда. Не решился.

«Боюсь, – говорил он Андрею с сильным своим акцентом. – Ничего не боюсь, а этого боюсь, понимаешь, ара, э? Я армянин, а армянский неправильно знаю, у меня армянский бакинский, мне в Баку армянский армянский зачем был? А в Ереване ты, Андро-джан, можешь армянский вообще не знать, он может не знать, она может не знать, – он неопределенно кивал в сторону совершенно посторонних людей. – Вам за это ничего не будет. А мне позор. Ты как думаешь, э? Может, лучше в Ростов?»

Пожалуй, лучше, согласился тогда Андрей. А то действительно нехорошо как-то.

И Вадик, как потом оказалось, тоже с этим согласился. И поехал Хачик в Ростов. Решился бы в Ереван – глядишь, и не поминали бы его сейчас. Все же по-другому сложилось бы.

Сплошные неизвестные. Может, так и так, без их советов, Хачик сделал бы выбор, оказавшийся для него роковым. А может, в Ереване, которым он бредил, как правоверный еврей бредит об Иерусалиме, его тоже ждала гибель – ибо судьба...

Но неизвестные, они неизвестные и есть, гадай – не гадай, толку-то...

Андрей вспомнил те похороны. Черно-белая, с траурной лентой, фотография Хачика, сверкающего улыбкой – все тридцать два зуба наружу. А рядом гроб на табуретках. Закрытый, потому что от головы Хачика ничего не осталось. Попасть под вращающийся хвостовой винт вертолета – это... это слов не найти...

На заводе – там, конечно, оргвыводы страшные состоялись, и уголовные дела были, да только по-настоящему – сам виноват. Темперамент его... Господи...

Вот компенсация, что ли, такая – эта их дружба в память покойного? Андрей точно знал, что понадобится ему – Вадик посреди ночи с места сорвется и примчится на помощь. Откуда угодно и куда угодно. И Вадим про Андрюху знал то же

самое.

А больше-то друзей, если по-настоящему, и нету.

Андрей махнул рукой, налил себе, кивнул Вадиму – давай, мол, и ты наливай.

– Ну, – сказал Андрей, – все же за авиацию!

– За авиацию, – повторил Вадим.

Чокнулись, выпили, поглодали ребрышки.

– А помнишь, – засмеялся вдруг Вадим, – как он имя меня и фамилию?

Андрей тоже засмеялся. Как не помнить? Все тогда ржали. Он ведь изначально был Рубен Хачикян. Когда в армию призывался, стал Роберт Хачиков. Вроде как русский, объяснял он. Ага, очень по-русски звучит, покатывался со смеху Андрей. Да еще с его-то внешностью и акцентом... После армии поступил в институт тоже как Роберт Хачиков. А на пятом курсе снова стал Рубеном Хачикяном – о Ереване уже задумывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.